

УДК 159.9

DOI: 10.33910/2686-9527-2019-1-3-266-275

Ментальный фактор в интеграции эмоций и коммуникации подростков

С. Т. Посохова¹, М. Х. Изотова^{✉2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия,
Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

² Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
194100, Россия, Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2

Сведения об авторах

Светлана Тимофеевна Посохова,
SPIN-код: 9016-2796

Маргарита Хаджумаровна Изотова,
e-mail: izotova.margarita@gmail.com

Для цитирования:

Посохова, С. Т., Изотова, М. Х.
(2019) Ментальный фактор
в интеграции эмоций
и коммуникации подростков.
*Психология человека
в образовании*, т. 1, № 3, с. 266–275.
DOI: 10.33910/2686-9527-2019-1-3-
266-275

Получена 21 июня 2019; прошла
рецензирование 7 июля 2019;
принята 7 июля 2019.

Права: © Авторы (2019).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Рассмотрены особенности интеграции эмоциональной и коммуникативной сфер, важных для понимания целостности психической организации человека. Эмоциональная сфера охарактеризована способностью к дифференциации эмоций человека, тревогой и страхами, эмоциональными барьерами в общении и общим психофизиологическим напряжением. Коммуникативная сфера определена агрессией, создающей барьеры к сближению подростков с окружающими людьми, и эмпатией, расширяющей возможности сближения. Представлены результаты исследования, в котором участвовали подростки в возрасте 12–13 лет с ментальными нарушениями (99 человек) и сохранным интеллектом (94 человека). Все подростки дали добровольное согласие на участие в исследовании. Использовался комплекс методик для определения особенностей эмоциональной сферы и коммуникаций в подростковом возрасте. Некоторые методики были модифицированы с учетом ментальных ограничений подростков, проводились индивидуально. Ментальные нарушения в форме легкой степени умственной отсталости обуславливают устойчивость внутренней интеграции эмоциональной и коммуникативной сфер. Тесные взаимосвязи между сферами повышают психологическую уязвимость подростков с легкой степенью умственной отсталости, выражающуюся в низкой точности дифференциации эмоций человека, в склонности воспринимать многие стороны окружающего мира в виде угрозы, в эмоциональных барьерах в общении и общем психофизиологическом напряжении, в недостаточной регуляции агрессивных тенденций и трудностях проявления эмпатических способностей. Дисбаланс внутри эмоциональной сферы и напряжение эмоциональных процессов сочетаются с трудностями коммуникации этих подростков, создают условия для неконтролируемой агрессии, затрудняют ориентацию в выражении эмпатии. Интегративный подход открывает новые возможности для коррекции эмоций и коммуникации при ментальных нарушениях и в целом для инклюзивного взаимодействия.

Ключевые слова: интеграция, коммуникативная сфера, ментальные нарушения, страхи, тревога, эмоциональная сфера, эмпатия.

The role of the mental factor in integrating emotions and communication in adolescents

S. T. Posokhova¹, M. Kh. Izotova²✉

¹ St Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

² St Petersburg State Pediatric Medical University, 2 Litovskaya Str., Saint Petersburg 194100, Russia

Authors

Svetlana T. Posokhova,
SPIN: 9016-2796

Margarita Kh. Izotova, e-mail:
izotova.margarita@gmail.com

For citation: Posokhova, S. T., Izotova, M. Kh. (2019) The role of the mental factor in integrating emotions and communication in adolescents. *Psychology in Education*, vol. 1, no. 3, pp. 266–275. DOI: 10.33910/2686-9527-2019-1-3-266-275

Received 21 June 2019; reviewed 7 July 2019; accepted 7 July 2019.

Copyright: © The Authors (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The authors suggest that in order to understand the integrity of human mental organisation it is highly important to study the features of integration between the emotional sphere and communicative areas. The study focuses on adolescents and their ability to integrate emotions in communication. Adolescents can differentiate human emotions and experience anxiety, fear, emotional communication barriers and overall psychophysiological tension. The communicative sphere is defined by aggression that prevents bonding with the other people and empathy which facilitates such bonding. The authors present the results of a study, which involved youngsters aged 12–13 years with mental disorders (99 people) and mentally healthy teenagers (94 people). All the teenagers voluntarily agreed to participate in the study; consent was also obtained from their parents. The study involved the use of complex methods to determine the characteristics of the emotional sphere and communication in adolescence. Some techniques were modified to accommodate intellectual impairment, and the study procedures were conducted individually. The outcomes of the study suggest that cognitive impairment affects the stability of internal integration of the emotional and the communicative sphere. A close connection between the realms increases psychological vulnerability of mentally retarded adolescents. The vulnerability impedes the accuracy in differentiating human emotions, increases the tendency to perceive the surrounding world as threatening, enforces emotional barriers in communication, and leads to overall psychophysiological tension, aggressive reactions and low empathy. For these teenagers, the imbalance within the emotional sphere and emotional stress combined with communication difficulties create conditions for uncontrolled aggression and impede the expression of empathy. The authors conclude that the integrative approach opens up new possibilities for correction of emotional reactions and communication skills in children with mental disabilities and for inclusive interaction.

Keywords: anxiety, communicative sphere, empathy, emotional sphere, fear, integration, mental disability.

Введение

Сегодня при описании поведения человека, состояния межличностных отношений и общественных процессов все чаще используется понятие «хаотизм». По своей сути хаотизм абсолютизирует неопределенность, беспорядок, клиповость, доминирование плохо структурируемых частных на всех уровнях бытия человека, включая обыденный, практический, социальный. В масштабности хаотизма отражается серьезная угроза, которая создается цивилизационными вызовами не только по отношению к психологическому благополучию человека, но и по отношению к его жизнеспособности. Тем самым напрашивается вывод о том, что сущностный признак хаотизма заключен в угрозе разрушения биопсихосоциальной целостности человека.

Целостность психической организации человека всегда относилась к числу фундаментальных проблем психологии, которая решалась в единстве логики развития общества, самого человека и логики развития психологической науки. Авторитетные научные дискуссии определили две взаимодополняющие тенденции в понимании целостности и ее роли во взаимодействии человека с окружающей реальностью и самим собой. С одной стороны, целостность — это не что иное, как полнота свойств, проявлений и внешних связей человека, с другой — целостность представляет собой внутреннюю обусловленность человека. В том и в другом случае ориентация на целостность создает возможность для получения синтетических знаний о человеке, о внутренних механизмах его сложной организации и связей с окружающей

реальностью. Своеобразный отклик на потребность в целостном описании человека можно увидеть в исследованиях, связывающих разные составляющие психической деятельности. В результате такого рода объединений появляются «новые» психические сферы, такие как «ценностно-мотивационная», «ценностно-смысловая», «личностно-смысловая», «потребностно-мотивационная», «эмоционально-мотивационная», «психоэмоциональная» и т. п. Актуальностью сохранения целостности психической жизни современного человека также обуславливается появление «интегральной психодиагностики», «интегральной психотерапии» и т. п.

Важность категории «целостность» для понимания психологии человека и его социального взаимодействия отчетливо выражена в теоретических изысканиях и эмпирических исследованиях В. Н. Панфёрова (Панфёров 2015). В своей концепции интегрального синтеза психологии человека В. Н. Панфёров, основываясь на трудах П. Тейяра де Шардена (Тейяр де Шарден 1987), А. С. Выготского (Выготский 1986), С. А. Рубинштейна (Рубинштейн 2003), Б. Г. Ананьева (Ананьев 2001), углубляет идеи целостности в соответствии с насущными потребностями современного человека в решении актуальных жизненных проблем, в соответствии с тенденциями развития психологии, прежде всего практической психологии. Так, плодотворным для психологического познания и оказания действенной психологической помощи можно считать подход к описанию человека с позиции целостности психических образований. Психические образования — осевая категория в исследованиях В. Н. Панфёрова. Психическим образованиям отводится роль качественного синтеза отдельных свойств в процессе разнопланового взаимодействия человека: психофизического — с внешним миром, деятельность-психологического — с миром вещей, социально-психологического — с миром людей, психорефлексивного — с внутренним миром и психофизиологического — с организмом. В соответствии с направлениями взаимодействия в круг психических образований, большинство из которых уже нашли эмпирическое подтверждение, входят психофизические, деятельность-психологические, социально-психологические, психорефлексивные и психофизиологические (Панфёров 2015).

Однако проблема целостности — это не только проблема внутренней интеграции разных психических образований, но и проблема детерминации возникающих взаимосвязей между ними. В исследованиях В. Н. Панфёрова ясно

прослеживается мысль о том, что факторы социального взаимодействия не объясняют все многообразие и разновекторность поведения и общения. Формирование психических образований разворачивается во внутренней структуре психической организации человека благодаря психической деятельности, осуществляемой при взаимодействии с миром людей, вещей и самим собой. Большой детерминирующий и объясняющий потенциал заложен во внутренней организации самого человека (Панфёров 2015).

Труды В. Н. Панфёрова об интеграции психических образований и существовании внутренней ее детерминации послужили основанием для исследования особенностей связи эмоциональной и коммуникативной сфер и роли ментальных нарушений в их интеграции в подростковом возрасте. Обращение к интеллекту как фактору интеграции эмоций и коммуникации связано прежде всего с его адаптационными возможностями. Интеллект синтезирует все содержание, все свойства и функции когнитивной деятельности человека, сжато отражая общие закономерности, а также индивидуальные особенности когнитивной переработки, сохранения и преобразования информации, необходимой личности для построения новых адаптационных программ в изменяющейся социокультурной и информационной среде (Посохова 2001).

Необходимость такого исследования диктуется также социальными процессами, затрагивающими все слои нашего общества, в том числе лиц с ментальными нарушениями. В связи с расширением границ инклюзивной культуры все более активно изучаются психологические ресурсы лиц с проблемами интеллектуального развития. Такие поиски часто связаны с практикой применения разнообразных коррекционных программ. Однако узконаправленная коррекция или эмоциональной сферы, или навыков общения не обеспечивает ожидаемого результата — безбарьерного межличностного взаимодействия подростков с ментальными ограничениями в социуме. Эффективность коррекционного вмешательства определяется соотношениями между эмоциями и коммуникацией, а также ролью ментальных нарушений в интеграции эмоций и коммуникации. Немаловажную роль играет и модернизация отечественного образования, одно из направлений которой нацеливает на обеспечение психологических потенциалов и ресурсов для безбарьерного включения детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья в многоликую социальную среду. В силу расширяющихся инклюзивных процессов в настоящее время обостряется необходимость

в объективно обоснованных представлениях о возможностях социального взаимодействия лиц с ментальными нарушениями, в первую очередь подростков. В этом контексте вполне оправданным выглядит изучение роли ментальных нарушений в интеграции эмоциональной и коммуникативной сфер, лежащих в основе социальной жизнедеятельности подрастающего поколения.

Несмотря на различия психологических школ в трактовке психологических феноменов бытия человека, эмоции почти безоговорочно относятся к числу ключевых системообразующих явлений, регулирующих всю психическую организацию и разные виды активности личности (Ильин 2002; Панфёров 2015). Социальная природа эмоций определяет их детерминирующую роль в построении межличностных отношений. В процессе усвоения коммуникативного опыта расширяется эмоциональная компетентность человека. Вместе с тем типичные эмоциональные переживания, умение соотносить эмоции с социальными ролями, эмоциональная адекватность, понимание переживаний других людей облегчают коммуникативное поведение. Эти особенности регулирует вектор и границы взаимодействия с изменяющейся социокультурной и информационной реальностью.

Эмоциональная сфера подростков — особое психическое образование, включающее в себя обширный круг признаков как психологического комфорта, так и психологической уязвимости личности, особенно в подростковом возрасте. Несмотря на то что эмоции в целом и эмоциональная сфера в частности — это фундаментальный объект психологических исследований многих поколений ученых, содержание понятия «эмоциональная сфера» до сих пор остается дискуссионным, обоснованным разными, далеко не безупречными аргументами и доводами. Одни исследователи ограничивают эмоциональную сферу четко определенным эмоциональным признаком, например страхами. В противовес им другие подчеркивают сложность содержательной и функциональной организации эмоциональной сферы и включают в нее все известные явления эмоциональной жизни, которые различаются по степени обобщенности, а следовательно, и по доступности для измерения. В таких случаях речь идет, например, о сентиментальности и эмоциональности. Последняя, в свою очередь, основывается на эмоциональной возбудимости, интенсивности и длительности переживаний эмоций (Ильин, Липина 2007).

Систематизация научных исследований позволяет утверждать, что эмоциональная сфера

подростков представляет собой динамичную систему признаков эмоционального реагирования, которые определяют избирательное отношение личности к воспринимаемой окружающей реальности и себе. В эмоциональной сфере объединяются эмоциональная чувствительность, способность дифференцировать эмоции человека, переживание тревоги и страхов, эмоциональные барьеры в общении и общее психофизиологическое напряжение. Каждый из элементов эмоциональной сферы специфичен по своему содержанию и функциям. В частности, эмоциональная чувствительность определяет способность реагировать на все изменения окружающей реальности и внутренней среды организма в первую очередь эмоционально. Дифференциация эмоций отражает широту спектра индивидуального отношения к значимым воздействиям. В страхах и тревоге заключена предрасположенность к восприятию окружающей реальности как несущей угрозу физическому существованию или самооценности личности. Эмоциональные барьеры общения подчеркивают неэффективность эмоционального регулирования оптимальных контактов с окружающими людьми. Возникающее общее психофизиологическое напряжение указывает на отклонение физиологических функций от оптимального состояния в привычных и напряженных жизненных ситуациях (Изотова 2017).

Широкая практика социальной психологии позволяет согласиться с мнением В. Н. Панфёрова относительно того, что фактически все сферы человеческой жизни и деятельности пронизывает общение. Регулирующая роль общения связана с тем, что оно не просто объединяет людей для совместных действий и общей деятельности, а укрепляет, упрочивает их отношения. В процессах общения коммуникативные функции направлены на конструирование разных по направленности, содержанию и длительности связей человека с другими людьми (Панфёров 2015). К числу коммуникативных маркеров традиционно относятся агрессивность и эмпатия. По своей сути это противоположные тенденции в организации человеком своего взаимодействия с окружающими людьми. Так, агрессивность характеризует способность и предрасположенность создавать угрозу другому человеку, что, безусловно, определяет границы для межличностного взаимодействия и высокую вероятность развития дезадаптации. Противоположная тенденция — тенденция к сближению людей во взаимодействии — отражается в эмпатии. Эмпатия как способность вчувствоваться, проникать в эмоциональное

переживание другого нередко превращается в возможный барьер агрессивного поведения (Изотова 2017; Посохова, Изотова 2017).

Эмоциональная сфера и коммуникативная сфера образуют единую систему взаимодействия человека с окружающей реальностью. Архитектоника этой системы сложна и динамична, зависит от многочисленных внешних и внутренних факторов. Статистически выявлена тесная взаимосвязь показателей дифференциации эмоций, переживания страхов и тревоги, физиологического напряжения с показателями вербальной агрессии и эмпатии у подростков. Согласно этим связям появилась возможность считать, что точность дифференциации эмоции человека, низкая тревога, отсутствие страхов и эмоциональных барьеров в общении способствуют ограничению зоны агрессии и расширению способности подростков к эмпатии. Доминирование позитивных эмоций при восприятии окружающей реальности, соответствие эмоций требованиям коммуникативной ситуации, способность регулировать внешние проявления эмоций, эмоциональная пластичность сочетаются с ослаблением барьеров общения на основе эмпатии к окружающим людям (Посохова, Изотова 2017).

Результаты

Для проверки гипотезы о трансформации взаимосвязей эмоциональной и коммуникативной сфер под влиянием ментальных нарушений было проведено специальное исследование с участием 193 подростков. Во внимание принимался уровень интеллекта подростков. В исследовании участвовали 99 подростков в возрасте 12–13 лет (66 мальчиков и 33 девочки), у которых в медицинской карте была зафиксирована легкая степень умственной отсталости. По результатам методики Векслера уровень интеллекта подростков находился в диапазоне от 81 до 90. По заключению психолого-медико-педагогической комиссии (ПМПК), все подростки обучались в коррекционных учреждениях Санкт-Петербурга. В группу подростков с нормативным интеллектом вошли 94 человека (52 мальчика и 42 девочки). На основании медицинских карт подростков этой группы можно считать условно здоровыми. Все подростки обучались в общеобразовательных учреждениях Санкт-Петербурга и не имели проблем в освоении учебных программ и поведении.

Методический комплекс объединял методики, выявляющие особенности эмоциональной сферы подростков: способность дифференцировать эмоции, уровень неосознаваемой трево-

ги и ее вегетативных проявлений, выраженность и структуру страхов, доминирующие эмоциональные барьеры в общении. В частности, использовались такие методики, как «Пиктограмма эмоций» В. М. Минаевой, «Страхи» А. И. Захарова, «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении» В. В. Бойко и «Восьмицветовой тест» М. Люшера (Изотова 2017; Изотова, Посохова 2018; Посохова, Изотова 2017). В комплекс также были включены методики, раскрывающие разные тенденции в межличностной коммуникации подростков, в частности, «Hand Test» Э. Вагнера и «Методика уровня поликоммуникативной эмпатии» И. М. Юсупова (Изотова 2017; Изотова, Посохова 2018; Посохова, Изотова 2017). Все методики были модифицированы с учетом ментальных ограничений подростков с легкой степенью умственной отсталости. В связи с этими же ограничениями диагностика в группе подростков с легкой степенью умственной отсталости проводилась индивидуально.

Предварительно целесообразно остановиться на роли ментального фактора в проявлениях эмоциональной и коммуникативной сфер подростков. Как оказалось, его влияние избирательно и касается преимущественно выраженности эмоциональных и коммуникативных проявлений, а не самой способности эмоционально откликаться на изменения внешних условий и внутренней среды организма или проявлять агрессию и эмпатию в коммуникативных ситуациях. Доказательством служит общая для подростков с нарушенным и сохранным интеллектом направленность эмоций и коммуникаций, что выражалось в отсутствии статистически достоверных различий между соответствующими показателями в сравниваемых группах. В исследовании установлено, что подростков с разным уровнем интеллекта объединяет точность дифференциации эмоций радости и гнева по лицу человека, подверженность тревоге и разнообразным страхам, присущие общению эмоциональные барьеры. Возникновение эмоциональных барьеров обусловлено неадекватностью эмоций содержанию коммуникативных ситуаций, преобладанием негативных эмоций над позитивными, ригидностью эмоций и неумением управлять ими, нежеланием сближаться с людьми на основе эмоций и вызванным возрастными процессами психофизиологическим дискомфортом.

В сфере межличностного взаимодействия подростков с разным уровнем интеллекта объединяет способность дифференцированно проявлять эмпатию по отношению к людям, занимающим разные позиции в межличностном

взаимодействии, а также по отношению к животным. Основной объект эмпатии для подростков и с легкой степенью умственной отсталости, и с сохранным интеллектом — это родители. В меньшей мере подростки проявляют эмпатию по отношению к пожилым и незнакомым людям, детям, героям художественных произведений, а также животным. В иерархии агрессивного поведения подростков с легкой степенью умственной отсталости и сохранным интеллектом преобладает вербальная и косвенная агрессия. Подростки направляют агрессию преимущественно на предметы и окружающих людей, не учитывая их роли в конфликте, реже агрессию обращают на себя.

Тем не менее ряд особенностей эмоциональной и коммуникативной сфер подростков позволяет говорить о негативном влиянии ментальных нарушений, что нашло подтверждение в статистически достоверных различиях выраженности показателей в группах подростков с разным ментальным развитием. Оказалось, что подростки с легкой степенью умственной отсталости по сравнению с подростками с сохранным интеллектом в целом более уязвимы психологически и социально. Они отличаются сниженной точностью дифференциации и вербального обозначения эмоций человека, особенно тех, которые мимически сложно организованы (имеются в виду эмоции презрения, отвращения, спокойствия). Им свойствен страх природных и мистических явлений при сохранении эмоционального комфорта в ситуации социальных ограничений. Слабая эмоциональная регуляция в сочетании с неадекватным эмоциональным реагированием, преобладанием негативных эмоций, эмоциональной ригидностью и с ограничениями эмоционального сближения с людьми создает барьеры в коммуникации. Подростки с легкой степенью умственной отсталости отличаются более выраженным агрессивным поведением с длительными эпизодами агрессии. Они предрасположены к ожиданию агрессии извне, к восприятию помогающих действий взрослых как агрессивных. Для них более характерна физическая агрессия, направляемая на предметы, самих себя и животных. Общий уровень эмпатии снижен, кроме того, тенденция к сопереживанию неустойчива. Подростки с легкой степенью умственной отсталости испытывают трудности в понимании переживаний другого человека, в проявлении сочувствия и оказании действенной поддержки сверстникам, детям, незнакомым людям. Им трудно понять образную символику, переживая героев художественных произведений.

Подростки с сохранным интеллектом способны с высокой точностью дифференцировать и вербально описывать широкий ряд эмоций, включая мимически сложно организованные, такие как презрение, отвращение. Страх вызывают преимущественно физические воздействия и ограничения межличностного взаимодействия. Эмоциональные барьеры общения незначительны и в основном возникают из-за нежелания выстраивать коммуникацию на эмоциональной основе. Повышенное общее психофизиологическое напряжение отражает закономерные процессы возрастного развития. Для подростков с сохранным интеллектом характерна слабо выраженная агрессивность. Хотя они потенциально способны к агрессивному поведению и не всегда критичны к нему, агрессию по отношению к разным субъектам коммуникации проявляют дифференцированно и с незначительной длительностью агрессивных эпизодов. Вербальная агрессия и косвенная агрессия сочетаются с редким переносом агрессии на предметы, животных и себя и с физической агрессией. Ожидание агрессии извне и восприятие помощи взрослых как агрессивных действий выражены слабо. Выраженность эмпатических способностей соответствует умеренному уровню.

Эмпирическая модель включения ментального фактора в интеграцию эмоциональной и коммуникативной сфер подростков может быть построена с помощью статистических процедур. Как показали результаты факторного анализа, независимо от уровня интеллектуального развития эмоциональная и коммуникативная сферы подростков объединяются в три относительно независимых фактора. Тем не менее факторные модели в группе подростков с легкой степенью умственной отсталости и нормативным развитием различаются содержанием и степенью интегрированности показателей эмоциональных переживаний и межличностного взаимодействия. Например, в группе подростков с легкой степенью умственной отсталости трехфакторная модель охватывает 69,9% общей дисперсии.

Первый фактор, обозначенный «эмоциональный конфликт как условие агрессии», объединяет показатели агрессии (с положительным весом) и показатели дифференциации эмоций по мимике, эмоциональных помех в коммуникации (с отрицательным весом). Такое сочетание показателей указывает на то, что в коммуникативных ситуациях подростки с легкой степенью умственной отсталости испытывают потребность в эмоциональном сближении с людьми, которая не может быть полноценно удовлетворена ими

из-за неточности распознавания эмоции по мимике. Как следствие возникшего конфликта, повышается вероятность ожидания агрессии извне и одновременно вероятность собственной агрессии. Взаимосвязи невысокой способности дифференцировать эмоции и агрессии косвенно указывают на то, что ошибочная идентификация эмоций по лицу человека может стать причиной агрессии, которая воспринимается окружающими людьми как неожиданная, как немотивированная.

Во второй фактор вошли разные показатели эмоциональной сферы и межличностного взаимодействия, такие как показатели тревоги, страхов и эмоциональных барьеров в коммуникации (с положительным весом), физиологического напряжения (с отрицательным весом), а также показатели аутоагрессии (с положительным весом) и эмпатии (с отрицательным весом). Подобное сочетание дает основание обозначить фактор как «эмоциональное напряжение, провоцирующее коммуникативные проблемы». Выделенный фактор отражает связь между компонентами эмоциональной сферы и коммуникативной сферы. Трудности в понимании эмоций другого человека, эмоциональный дискомфорт и напряжение сопровождаются агрессией, направляемой подростками на себя, и отказом от сочувствия, оказания помощи окружающим людям, особенно сверстникам. Вполне вероятно, у части подростков с легкой степенью умственной отсталости на фоне общего эмоционального напряжения возникают проблемы в общении.

Третий фактор, как и предыдущие, представлен показателями эмоциональной и коммуникативной сфер: точности дифференциации эмоций, выраженных разными средствами (с положительным весом), и эмпатии (с положительным весом). Отчетливо проявляется рассогласование между способностью распознавать эмоции, которые передаются разными средствами, например мимикой человека и музыкой. Выявленные веса позволяют обозначить третий фактор — «рассогласованность дифференциации эмоций как условие избирательности эмпатии». Рассогласованность эмоциональных проявлений подталкивает подростков с легкой степенью умственной отсталости к демонстрации эмпатии преимущественно по отношению к тем, кто не несет реальной угрозы, — к животным и пожилым людям. Тем самым провоцируется появление коммуникативных сложностей. К тому же подростки с ментальными нарушениями способны выражать сочувствие преимущественно тем, чья мимика неяркая, бедно окрашенная.

Иная интеграция эмоциональной и коммуникативной сфер отмечена в группе подростков с сохранным интеллектом. Ее особенность обнаруживается в большей независимости проявлений эмоций от коммуникаций, по сравнению с подростками с сохранным интеллектом. В трехфакторной структуре (общая дисперсия 73,4%) только один фактор объединяет показатели эмоциональной и межличностной сфер, остальные — или показатели эмоционального реагирования, или коммуникации.

Первый фактор представлен показателями, которые характеризуют эмоциональные барьеры подростков в общении с окружающими людьми (с положительным весом), некоторые страхи (с отрицательным весом), эмпатийную направленность (с положительным и отрицательным весом). Выраженность вошедших в фактор показателей и знаки позволяют идентифицировать его как «доминирование эмоциональных барьеров в межличностном взаимодействии». Содержание фактора отражает значимость для подростков тех эмоций, которые препятствуют общению. К эмоциональным барьерам относятся прежде всего негативные эмоции, доминирующие над позитивными, и эмоции, не соответствующие коммуникативной ситуации. Роль барьеров играют эмоциональная ригидность и сниженная способность целенаправленно регулировать эмоциональные реакции. Сформировавшаяся система барьеров серьезно ограничивает коммуникацию. Коммуникативные ограничения, в свою очередь, приводят к ослаблению некоторых страхов, в частности, по отношению к ожидаемой физической угрозе извне и окружающей среде в целом. Этими же ограничениями можно объяснить разнонаправленность проявления эмпатии — уменьшение ее по отношению к родителям и увеличение по отношению к героям художественных произведений.

Второй фактор охватывает только показатели агрессии и агрессивности (с положительным весом) и эмпатии (с отрицательным весом), сдерживающей агрессивность. Соотношение и знаки вошедших в фактор показателей дают основание определить второй фактор как «деструктивность дефицита эмпатии». Можно считать, что неразвитость эмпатийных способностей способствует усилению агрессии. Если подростки с сохранным интеллектом испытывают трудности в эмпатии по отношению ко многим сторонам окружающей реальности, в том числе и по отношению к животным, то вероятно ожидание агрессивных действий извне. Соответственно этим ожиданиям они сами реагируют агрессивно без особой

критики по отношению к своему агрессивному поведению.

Третий фактор представлен показателями точности идентификации эмоций по пиктограммам и фотографиям (с отрицательным весом) и показателями эмоционального напряжения в виде страхов, тревоги, физиологических реакций, вербальной агрессии (с положительным весом). Третий фактор обозначен как «неточность дифференциации эмоций как условие психофизиологического напряжения». Содержание показателей, вошедших в фактор, отражает прежде всего сочетание трудностей в идентификации эмоций со страхами социального взаимодействия, что подчеркивает значимость социальной функции эмоций. Также важно, что неточность распознавания эмоций по лицу человека приводит к повышению общего эмоционального и физиологического напряжения. Такое сочетание может спровоцировать вербальную агрессию подростков с сохранным интеллектом.

Обсуждение результатов

Представленные результаты исследования приводят к мысли о том, что в подростковом возрасте эмоциональная сфера и коммуникативная сфера проявляют себя как единая многомерная система. Эмоциональная сфера подростков, объединяя способность дифференцировать эмоциональные переживания человека, тревогу и страхи, эмоциональные барьеры общения и общее психофизиологическое напряжение, обеспечивает избирательное отношение подростков к воспринимаемой окружающей реальности и обуславливает границы межличностного взаимодействия. Межличностное взаимодействие подростков определяется эмпатическими способностями, расширяющими возможности сближения с окружающими людьми, и агрессией, создающей барьеры к сближению. Подростки избирательно проявляют эмпатию по отношению к людям, признавая родителей основным объектом выражения сочувствия и оказания посильной поддержки. Вербальная и косвенная агрессия преобладают в поведении подростков. Агрессия подростков направлена преимущественно на предметы и окружающих людей независимо от их роли в конфликте, реже обращена на себя. В процессе интеграции этих сфер ведущая роль принадлежит эмоциям. Благодаря эмоциям подростки вовлекаются в многообразные межличностные отношения, которые, в свою очередь, регулируют эмоциональные переживания. При этом для интеграции этих сфер важным представляется не только выра-

женность эмоций (например, уровень тревоги, количество страхов), но и дисбаланс эмоциональных проявлений (например, несогласованность точности дифференциации разных эмоций человека).

Ментальные нарушения, как ключевой признак общего психического недоразвития, сказываются на внутренней интеграции эмоций и коммуникации. Характеризуя интеграционные процессы, мы прежде всего должны иметь в виду, что при ментальных нарушениях формируется особая система, объединяющая несформированную эмоциональную сферу и несформированную коммуникативную сферу. Подростки с легкой степенью умственной отсталости неточно дифференцируют эмоции человека. Особенно снижена точность распознавания экспрессивно не выраженных эмоций. Им присуще общее эмоциональное напряжение, создаваемое тревогой, разнообразными страхами и эмоциональными барьерами в общении с окружающими людьми. Несформированность коммуникативной сферы отражается в склонности к агрессивному поведению и приписыванию окружающим агрессивных намерений, в сниженных эмпатийных способностях.

Примечателен тот факт, что дисбаланс внутри эмоциональной сферы и напряжение эмоциональных процессов сочетаются с трудностями коммуникации этих подростков, создают условия для неконтролируемой агрессии, затрудняют ориентацию в выражении эмпатии. Такого рода направленность внутренних интеграционных процессов определяет необходимость адресной коррекции поведения подростков с ментальными нарушениями, в фокусе которой в первую очередь должны оказаться эмоции. При этом важно, чтобы выбранные коррекционные технологии максимально соответствовали внутренней организации эмоциональной сферы подростков. Таким требованиям отвечает, например, музыкальная терапия, которая способна не только гармонизировать эмоциональную сферу, но и изменять вектор влияния переживаемых эмоций на межличностное взаимодействие подростков с легкой степенью умственной отсталости (Посохова, Изотова 2017).

При сохранном интеллекте проявления эмоциональной и коммуникативной сфер относительно более самостоятельны, чем при нарушении. Заметим, что в этом случае как эмоциональная, так и коммуникативная сфера представлены признаками большей сформированности, более высокого уровня развития. Подростки с сохранным интеллектом способны с высокой точностью дифференцировать

и вербально описывать широкий спектр эмоций. Страх появляется при ожидании физического наказания, при ограничении общения, что воспринимается ими как угроза эмоциональному комфорту. Эмоциональные барьеры общения незначительны и в основном связаны с нежеланием эмоционально сближаться с окружающими людьми. Повышение общего психофизиологического напряжения, вероятнее всего, вызвано закономерными для подросткового возраста процессами физиологического развития. При сохранном интеллекте агрессивность может быть слабо выражена. Потенциально подростки с сохранным интеллектом способны к агрессивному поведению, однако проявляют агрессию избирательно в зависимости от объекта агрессии. Агрессивные эпизоды, к которым подростки не всегда критически относятся, непродолжительны.

Смысл такой относительной самостоятельности сферы эмоций и коммуникации при сохранном интеллекте прослеживается в том, что возникающие эмоциональные проблемы неизбежно могут отражаться на коммуникации, а коммуникативные проблемы не всегда влекут за собой эмоциональные реакции, не всегда находят отражение в переживаниях. Однако они могут вытесняться в подсознание, создавая временно скрытую область психологического дискомфорта, личностной уязвимости. При определенных обстоятельствах эмоциональные и коммуникативные проблемы могут внезапно заявить о себе неожиданным для окружающих образом. Их появление высоко вероятно даже тогда, когда подростки с разной степенью осознанности прибегают к волевым ограничениям или нравственным эталонам контроля своего поведения. В связи с этим для подростков с сохранным интеллектом вполне целесообразна эмоциональная и коммуникативная поддержка, которая может быть осуществлена опять же с помощью средств музыкальной терапии как наиболее изоморфной эмоциональной организации в подростковом возрасте. К такому выводу подводит важность доминирования эмоциональных барьеров в межличностном

взаимодействии подростков этой группы, которые ослабевают под влиянием музыкального воздействия (Посохова, Изотова 2017).

Исследования роли ментального фактора в интеграции эмоциональной и коммуникативной сфер подростков вряд ли можно считать исчерпанными. Проблемы инклюзивного взаимодействия, вставшие сегодня особо остро в образовании и культуре, требуют расширения научных поисков коррекционных средств и технологий, обеспечивающих гармоничную интеграцию эмоций и коммуникации при ментальных нарушениях.

Выводы

1. В подростковом возрасте эмоциональная сфера и коммуникативная сфера образуют единую сложноорганизованную систему, обеспечивающую как избирательность субъективного отношения к разным явлениям окружающей действительности, так и границы межличностного взаимодействия. Структурные и содержательные особенности интеграции эмоциональной и коммуникативной сфер определяются способностью подростков дифференцировать эмоциональные переживания человека, тревогой и страхами, эмоциональными барьерами в общении, общим психофизиологическим напряжением, что сказывается на эмпатии, сближающей с окружающими людьми, и на агрессии, создающей барьеры к сближению.

2. Ментальные нарушения в форме легкой степени умственной отсталости обуславливают устойчивость интеграции эмоциональной и коммуникативной сфер, что повышает вероятность психологической уязвимости подростков, выражающейся в низкой точности дифференциации эмоций человека, в склонности воспринимать многие стороны окружающего мира как угрожающие, в эмоциональных барьерах в общении и общем психофизиологическом напряжении, в недостаточной регуляции агрессивных тенденций и трудностях проявления эмпатических способностей.

Литература

- Ананьев, Б. Г. (2001) *О проблемах современного человекознания*. 2-е изд. СПб.: Питер, 272 с.
- Выготский, Л. С. (1986) *Психология искусства*. 3-е изд. М.: Искусство, 572 с.
- Изотова, М. Х. (2017) Эмоциональные маркеры музыкального воздействия в перспективе развития личности. В кн.: С. Т. Посохова, А. И. Извеков (ред.). *Перспектива человека: будущее как универсалия*. СПб.: ALITER, с. 26–41.
- Изотова, М. Х., Посохова, С. Т. (2018) Коррекционные возможности музыкотерапии: эмоциональный аспект. *Психология и психотехника*, № 4 (107), с. 77–87. DOI: 10.7256/2454-0722.2018.4.28390

- Ильин, Е. П. (2002) *Эмоции и чувства*. СПб.: Питер, 752 с.
- Ильин, Е. П., Липина, А. Н. (2007) Динамика характеристик эмоциональной сферы и агрессивности на протяжении периода от юности до старости. *Вестник практической психологии образования*, № 4 (13), с. 42–46.
- Панфёров, В. Н. (2015) *Интегральный синтез психологии человека в науке, в образовании, в социальном взаимодействии*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 761 с.
- Посохова, С. Т. (2001) *Психология адаптирующейся личности*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 240 с.
- Посохова, С. Т., Изотова М. Х. (2017) Музыкальное воздействие в практике коррекционной психологии: эмоциональный аспект. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*, т. 7, вып. 4, с. 395–408. DOI: 10.7256/2454-0722.2018.4.28390
- Тейяр де Шарден, П. (1987) *Феномен человека*. М.: Наука, 240 с.
- Рубинштейн, С. Л. (2003) *Сознание и бытие. Человек и мир*. СПб.: Питер, 508 с.

References

- Ananiev, B. G. (2001) *O problemakh sovremennogo chelovekoznanija [On the problems of the modern about the human nature]*. 2nd ed. Saint Petersburg: Piter Publ., 272 p. (In Russian)
- Il'in, E. P. (2002) *Emotsii i chuvstva [Emotions and feelings]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 752 p. (In Russian)
- Il'in, E. P., Lipina, A. N. (2007) Dinamika kharakteristik emotsional'noj sfery i agressivnosti na protyazhenii perioda ot yunosti do starosti [Dynamics characteristics of the emotional sphere and aggressiveness during the period from youth to old age]. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya — Bulletin of Practical Psychology of Education*, no. 4 (13), pp. 42–46. (In Russian)
- Izotova, M. Kh. (2017) Emotsional'nye markery muzykal'nogo vozdejstviya v perspektive razvitiya lichnosti [Emotional musical influence tokens in the future development of the individual]. In: S. T. Posokhova, A. I. Izvekov (eds.). *Perspektiva cheloveka: budushchee kak universalija [The human perspective: The future as the universal]*. Saint Petersburg: ALITER Publ., pp. 26–41. (In Russian)
- Izotova, M. Kh., Posokhova, S. T. (2018) Korrektsionnye vozmozhnosti muzykoterapii: emotsional'nyj aspekt [Corrective therapy opportunities: The emotional aspect]. *Psikhologija i psikhotekhnika — Psychology and Psychotechnics*, no. 4 (107), pp. 77–87. DOI: 10.7256/2454-0722.2018.4.28390 (In Russian)
- Panferov, V. N. (2015) *Integral'nyj sintez psikhologii cheloveka v nauke, v obrazovanii, v sotsial'nom vzaimodejstvii [Integrated synthesis of human psychology in science, in education, in social interaction]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 761 p. (In Russian)
- Posokhova, S. T. (2001) *Psikhologija adaptiruyushchejsya lichnosti [The psychology of adapting personality]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 240 p. (In Russian)
- Posokhova, S. T., Izotova, M. Kh. (2017) Muzykal'noe vozdejstvie v praktike korrektsionnoj psikhologii: emotsional'nyj aspekt [Musical influence in the practice of correctional psychology: The emotional aspect]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologija i pedagogika — Vestnik of Saint Petersburg State University. Psychology and Education*, vol. 7, no. 4, pp. 395–408. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2017.407 (In Russian)
- Rubinshtejn, S. L. (2003) *Soznanie i bytie. Chelovek i mir [Consciousness and being. Man and the world]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 508 p. (In Russian)
- Teilhard de Chardin, P. (1987) *Fenomen cheloveka [The human phenomenon]*. Moscow: Nauka Publ., 240 p. (In Russian)
- Vygotskij, L. S. (1986) *Psikhologija iskusstva [Psychology of art]*. 3rd ed. Moscow: Iskusstvo Publ., 572 p. (In Russian)